

УДК 801.7:811.161.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V117

СЕРГЕЕВА Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Автор 287 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий (из них 3 коллективных)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8866-4829>*

**КАТЕГОРИЯ ИНТЕРПРЕТИРУЕМОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
И ПРОБЛЕМА «МНОГОСЛОЙНОСТИ» ТОЛКОВАНИЯ
ПРОЗАИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(на материале рассказов И.А. Бунина «Книга» и «Часовня»)**

Выделение основных категорий художественного текста является предметом дискуссий современных исследователей. Автор статьи в качестве наиболее значимых для художественного текста категорий рассматривает категории вымышленности (виртуальной информативности), эгоцентричности (образа автора), эстетичности, лингвоцентричности и интерпретируемости. В работе подробно изучается категория интерпретируемости, связанная с возможностью восприятия текста под разным углом зрения и на разных уровнях глубины. Интерпретируемость – это способность текста генерировать информацию неоднозначную, по-разному прочитываемую и формулируемую, которая может восприниматься адресатом или не восприниматься. Описание категории интерпретируемости представлено на примере миниатюр И.А. Бунина «Книга» и «Часовня». Рассказ «Книга» позволяет читателю воспринять несколько смысловых слоев, последовательно усложняющих содержание текста и его понимание. Рассказ наглядно демонстрирует, что интерпретируемость художественного текста может доходить до абсолютной амбивалентности восприятия этого текста: жизнь важнее выдуманных книг, но сама жизнь, возможно, существует для искусства, для того чтобы быть воплощенной в слове. Положение о многоаспектности и интерпретируемости художественного текста подтверждается рассмотрением миниатюры «Часовня». Произведенный анализ текстов демонстрирует, что художественное произведение может быть воспринято неоднозначно, его содержание интерпретируется на основе приращения значения составляющих его лексических единиц, различных оттенков смысла синтаксических конструкций и возможности неодинаково воспринимать последовательные фрагменты текста, а также – отчасти – в зависимости от языковой картины мира адресата.

*Адрес: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48; e-mail: elena.v.sergeeva@gmail.com

Для цитирования: Сергеева Е.В. Категория интерпретируемости художественного текста и проблема «многослойности» толкования прозаического произведения (на материале рассказов И.А. Бунина «Книга» и «Часовня») // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 4. С. 63–71. DOI: 10.37482/2687-1505-V117

На основании проведенного исследования сделан вывод, что категория интерпретируемости – действительно характерная для художественного текста категория, в полной мере связанная с его спецификой – эстетической трансформацией смыслов в целях создания виртуальной реальности с помощью языка.

Ключевые слова: *текстовые категории, прототипический текст, интерпретируемость художественного текста, смысловая многослойность художественного текста.*

Проблема текстовых категорий в начале XXI века фактически потеряла право называться проблемой. Известная книга И.Р. Гальперина [1] открыла период создания научных произведений, посвященных лингвистическим особенностям текста [2–5] и проблеме выделения и описания текстовых категорий.

В современной лингвистике текста не существует значимых разногласий по этому поводу. Категории информативности, цельности, завершенности, связности, членности и модальности традиционно выделяются большинством исследователей.

Однако набор основных категорий художественного текста (ХТ), который также вызывает закономерный интерес исследователей [6–8], определяется не столь однозначно. Выделение базовых признаков ХТ, характерных для любого текста как такового, не может быть подвергнуто сомнению, поскольку ХТ – это прежде всего речевой феномен, обладающий цельностью и связностью, а также всеми другими категориями, присущими тексту. Однако ХТ – это еще и феномен эстетический, для которого характерны специфические художественные особенности. Рассмотрение специфических для ХТ категорий, в т. ч. весьма значимой категории интерпретируемости, обуславливает актуальность и научную новизну исследования. Цель данной статьи – анализ категории интерпретируемости, связанной с возможностью неоднозначного, «многослойного» смыслового восприятия подобного текста.

Специфичность категорий ХТ связана именно с отличием этого текста от текста «нехудожественного», не ориентированного на эстетическое восприятие. Категории вымыш-

ленности (виртуальной информативности), эгоцентричности (образа автора), эстетичности и лингвоцентричности можно рассматривать как наиболее значимые для ХТ.

Вымышленность (виртуальная информативность) ХТ – это способ представления в тексте фактуальной (сюжетной, персонажной, описательной и др.) информации как относящейся к вымышленному миру, к реальности виртуальной, только аналогичной реальной, причем виртуальность воспринимается в качестве основы информативности текста и адресантом, и адресатом. Например, только очень неопытный читатель может отождествлять виртуальную реальность романа-эпопеи «Война и мир» с исторической реальностью, в которой существовал настоящий Наполеон Бонапарт, а не вымышленный герой Л.Н. Толстого Наполеон.

Именно поэтому не менее важной категорией ХТ можно считать *эгоцентричность*, которая воплощается в особым образом выраженном или намеренно сконструированном с помощью языковых средств образе автора как центре виртуальной реальности текста. Автор определяет точку зрения читателя на событийное и внесобытийное содержание текста. Это касается всех параметров текста, в т. ч. хромотопа, аксиологических, эмоционально-экспрессивных и эстетических ориентиров, характеристики персонажей и т. п.

Пространственно-временные рамки повествования задает автор любого времени и любого литературного направления. Так, роман А.С. Пушкина «Дубровский» начинается со слов «Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин...» [9, с. 138], где характеристика времени действия

дана с точки зрения авторского настоящего; аналогичная ситуация представлена в повести «Станционный смотритель»: «Недавно еще, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моем приятеле...» [9, с. 92]. В обоих примерах выбор гипотетического, не существующего в реальности места действия также принадлежит автору (хотя локус текста может быть и вполне реальным, как, например, Петербург в романах Ф.М. Достоевского). Фактически не отличается способ представления хронотопа в произведениях, написанных столетие спустя, – коротких рассказах И.А. Бунина «Часовня» и «Книга»: «Летний жаркий день, в поле, за садом старой усадьбы, давно заброшенное кладбище...» [10, с. 392]; «Лежа на гумне в омете, долго читал – и вдруг возмутило. Опять с раннего утра читаю...» [10, с. 87].

Аксиологические и экспрессивные ориентиры, определяющие отношение читателя к событиям, героям и проблемам, также задает автор, а средства вербализации этих ценностных векторов могут быть не только прямыми, но и косвенными. Например, именно автору принадлежит оценка героя повести «Метель»: «Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек» [9, с. 73]. Восклицания рассказчика по поводу охоты («Чудо, дивное чудо!» [10, с. 85]) или произошедших в произведении событий («Беспощаден кто-то к человеку!» [10, с. 184]) определяют экспрессивность контекста в коротких рассказах И.А. Бунина «Русак» и «Роман горбуна».

Эстетический взгляд на мир задается автором в еще большей мере, чем этический. *Эстетичность* – категория, которая может быть определена как не собственно текстовая, т. к. она присуща произведениям искусства вообще. Однако установка на эстетическую (как сюжетную, так и внесюжетную) информацию – это характерная особенность ХТ. Можно приводить в пример практически любое произведение.

Рассказ И.А. Бунина «Ущелье» полностью построен на приобретении общезыковыми лексическими единицами эстетического значения и на переносных значениях других лексем, так что можно цитировать весь текст подряд:

«Зеленой кудрявой смушкой, зеленым каракулем кажется издали густой лес, покрывающий горные скаты против аула. В лесу кто-то жжет костер, голубой дымок далеко тянется над зеленой смушкой, и его пряный запах мешается с миндальной свежестью леса» [10, с. 194].

В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» природа представлена прежде всего с помощью тропеических средств, которые делают ее образ ярким, живым и запоминающимся: «вековые черные ели с похожими на копыта острыми вершинами», «метель уже волком завывает меж деревьев», «хребты зеленых холмов в неровной щетине сосен и елей» [11]. В тексте романа Д.И. Рубиной «Русская канарейка» имеется более 100 образных номинаций, которые относятся только к пению человека и канарейки: «выплеснув на клавиатуру пену очередного кружевного пассажа», «пронзительную сирену разъяренного контратенора», «взлетает и на ангельских крыльях парит, планируя и замирая, голос», «звенящая горловая сила, звонкие открытые бубенцы... удалялись и приближались опять, будто старинная почтовая тройка кружила в поисках тракта» [12] и др.

Лингвоцентричность ХТ и художественного дискурса как совокупности подобных текстов во многом связана с тем, что в этой разновидности дискурса категория информативности воплощается достаточно специфически. Языковая и художественная картина мира автора, его точка зрения на виртуальную реальность текста и подтекст прочитываются именно исходя из значения и сочетаемости лексем в тексте, а собственно «художественная информация» воплощается с помощью эстетической актуализации языковых, прежде всего лексических, единиц, о чем мы писали ранее [13].

Интерпретируемость – еще одна важная категория, связанная с возможностью восприятия текста под разным углом зрения и на разных уровнях глубины, причем это относится как к весьма пространственным текстам, так и к текстам небольшого объема.

Интерпретируемость – категория, отличающаяся от подтекста прежде всего тем, что

подтекст – это информация, прямо в тексте не представленная, получаемая на основе значений и смыслов присутствующих в тексте произведения лексем, а также ассоциаций, связанных с их значениями, но в целом однозначная. Так, в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» содержание абзаца, начинающегося с предложения «На другой день гусару стало хуже» [9, с. 87], указывает на то, что болезнь героя – притворная.

Интерпретируемость текста, как и подтекст, может восприниматься адресатом или не восприниматься, но это информация неоднозначная, по-разному прочитываемая и формулируемая. Например, рассказ И.А. Бунина «В Париже» позволяет воспринимать чувства героев и как внезапно вспыхнувшую настоящую любовь, и как желание двух людей, оказавшихся вдали от родины и потерявших всех близких, избавиться от страшного одиночества. Другое, почти хрестоматийное, произведение того же автора – «Господин из Сан-Франциско» – может интерпретироваться не только как повествование о человеке, который настолько бездуховен, настолько не человек, что даже имени собственного автор ему не дает, но и как рассказ о том, насколько ничтожен человек перед стихией – океана, природы, жизни. Возможно и другое понимание рассказа – как повествование об ужасе бездуховности для самого героя или как размышление о связи богатства и этого ужаса.

Значения и приращения значений лексических единиц, сложные взаимоотношения смыслов в тексте рассказа В.С. Маканина «Кавказский пленный» дают основание воспринимать это произведение и как размышление об изменениях в мире и социуме со времени написания Л.Н. Толстым рассказа со сходным названием, и как утверждение об антигуманности войны в любой исторический период, и как повествование о бренности временного и человеческого на фоне вечной природы, и как изложение мнения автора о том, что такое красота и как она хрупка, и, наконец, как текст, в котором иерархически неоднозначно сочетаются эти проблемы.

При попытке рассмотреть перечисленные категории ХТ максимально полно возникает методический вопрос о том, какой объем текста может считаться оптимальным для подобного рассмотрения.

В свое время В.Е. Чернявская ввела в лингвистику текста понятие прототипического характера текстности [14], а Е.С. Кубрякова назвала конкретные прототипические тексты, т. е. образцовые тексты с точки зрения набора категорий и оптимального размера для рассмотрения их именно как таковых (письма и небольшие инструкции к артефактам, статьи в энциклопедиях, публицистические статьи в газетах и журналах, тексты интервью, рецепты) [15]. Однако термин «прототипический» в равной мере может быть применен и к ХТ.

Прототипический ХТ – это прозаическое повествовательное или описательное (описательно-повествовательное) произведение небольшого объема (эссе, рассказ, новелла), обладающее всеми характерными категориями ХТ и преимущественно ориентированное на авторское изложение. Именно прототипический ХТ можно считать наиболее удобным для подробного рассмотрения категории интерпретируемости. С этой точки зрения миниатюры И.А. Бунина «Книга» и «Часовня» – образцовые прототипические ХТ, которые основаны на специфической информативности и эгоцентричности, обладают эстетичностью и лингвоцентричностью и в которых сочетаются элементы всех типов речи – повествования, описания и рассуждения (или присутствуют информационный, сентенционный и демонстрационный композиционно-смысловые типы речи), дополненные высказываниями персонажа (персонажей).

Эссе И.А. Бунина «Книга» позволяет внимательному читателю воспринять несколько смысловых слоев, последовательно усложняющих содержание текста и его понимание.

Первый, наиболее простой и доступный, уровень восприятия – жизнь лучше «выдумок». Это точка зрения героя-рассказчика в начале произведения и мужика. Глагол *возмутить*,

демонстрирующий отрицательные чувства повествователя («Привести в негодование, вызвать недовольство, гнев» [16]), относится именно к постоянному чтению: «Опять с раннего утра читаю, опять с книгой в руках!»¹. Литература называется «несуществующим миром», «чужими выдумками», «книжным наваждением». Показательно, что и реально существовавшие личности (Данте, Сократ, Юлий Цезарь), а также целые народы (пелазги, этруски) воспринимаются прежде всего как герои написанных ими или о них книг, т. е. «литературность» оказывается важнее самой реальности.

Наиболее показательно маркировано противопоставление «выдумок» и «настоящей жизни» предложением-антитезой, где языковое средство – противительный союз «а» – разделяет названия проявлений этих сфер существования: *Я читал, жил чужими выдумками, а поле, усадьба, деревня, мужики, лошади, мухи, шмели, птицы, облака – все жило своей собственной, настоящей жизнью.*

Описание окружающего природного мира оформлено рядами однородных членов, первый из которых явно намеренно включает номинации элементов ландшафта, животных, людей, насекомых, природных явлений – т. е. тех проявлений бытия, которые герой-рассказчик может увидеть вокруг себя; второй представляет собой ряд глаголов восприятия, передающих ощущения, связанные с реальной жизнью окружающего мира (*смотрю кругом, остро вижу, слышу, обоняю, – главное, чувствую*); третий и четвертый – ряды прилагательных-эпитетов с положительным коннотативным элементом, рисующих картину наблюдаемой окружающей природы: *необыкновенно простое и в то же время необыкновенно сложное, то глубокое, чудесное, невыразимое; светлые, красивые, ...дождевые, синеватые, скучные.*

Ряды однородных членов показывают разные стороны природного мира, а также демонстрируют высокую степень положительности его восприятия рассказчиком. В этом контексте

«несуществующий мир» оценивается как нереальный и мешающий воспринимать и понимать «настоящую жизнь», представленную автором безоговорочно положительно (ср. *настоящий* – «4. подлинный, истинный» [16]): «А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены!». Авторский текст однозначно указывает и на дополнительный смысл противопоставления выдумок и жизни – «книжность» связана с престижностью и стремлением к славе, со страхом оказаться непохожим на знаменитостей, прославившихся созданием «выдуманных» книг.

К «настоящей жизни» относится и мужик, не случайно появляющийся в рамках контекста, в котором употребляется большое количество эстетически осложненных лексических единиц: *По сухой фиолетовой дороге, пролегающей между гумном и садом, возвращается с погоста мужик. На плече белая железная лопата с прилипшим к ней синим черноземом. Лицо помолодевшее, ясное.*

Единственная реплика персонажа включает важное для понимания смысла текста предложение «На своей девочке куст жасмину посадил!», демонстрирующее, что продолжение жизни, прекрасной жизни, само собой разумеется даже после смерти ребенка. В вопросе мужика «Все читаете, все книжки выдумываете?» употребляется чрезвычайно значимый для всего рассказа глагол – *выдумывать*, т. е. «измысливать то, чего нет» [16]. Литература, книжки – это то, чего нет, а дорога, куст жасмина, мужик – то, что есть здесь и сейчас. Таким образом, глагол *жить* становится контекстуальным антонимом глагола *выдумывать*.

Следует обратить внимание на то, что фактически вся прямая речь мужика сформулирована так, что автор использует «цитаты» из нее в качестве исходной точки своих рассуждений. Жизнь «цветет» «недаром», но в точности непонятно, для чего: «Мужик к вечеру забудет

¹Текст рассказа цитируется по: [10, с. 87].

об этом кусте, – для кого же он будет цвести? А ведь будет цвести, и будет казаться, что недаром, а для кого-то и для чего-то».

Жизнь – счастье и «нечто самое неопостижимое в мире». Однако при дальнейшем чтении текста адресат может воспринять еще один смысловой слой – настоящая жизнь по-настоящему воплощается в искусстве: «А может быть, эта усадьба живет для ее [иволги] флейтового пения?». Показательно определение *флейтовое* – такое, как у флейты, т. е. музыкальное, а значит, связанное с искусством, красотой, эстетическим, подобное искусству.

Настоящее (т. е. жизнь) требует также воплощения в слове: «...Истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове!».

Слово, т. е. книга, текст (ср. «2. речь, язык; 3. высказывание, словесное выражение мысли, чувства» [16]), может воссоздать, пересоздать и сохранить реальность жизни, и тогда, с точки зрения автора, писатель – творец, подобный Богу, как считали в свое время представители романтизма, а книга – не просто предмет, произведение, но и человеческая жизнь, творение, нечто со-творенное. И не творить – «вечная мука».

Таким образом, анализ данного рассказа показывает, что интерпретируемость ХТ может доходить до абсолютной амбивалентности восприятия этого текста: жизнь важнее выдуманных книг, но сама жизнь, возможно, существует для искусства, для того, чтобы быть воплощенной в слове, в книге.

Еще один показательный пример проявления категории интерпретируемости – миниатюра И.А. Бунина «Часовня», где, несмотря на очень небольшой объем текста (около половины страницы), читатель также может по-разному (и с разной степенью глубины) интерпретировать его содержание. Это содержание прежде всего соотносится с показом процесса осознания юными героями, «детьми из усадьбы», полными

любопытства («Все это очень интересно и удивительно»²), но еще не знающими страха, понятий любви и смерти, противоположной жизни.

Смерть – уничтожение всего, темнота и холод: «Там ничего не видно, оттуда только холодно дует». Автор воплощает противопоставление жизни и смерти с помощью антитезы: «Везде светло и жарко, а там темно и холодно...», «...у нас тут солнце, цветы, травы, мухи, шмели, бабочки, мы можем играть, бегать, нам жутко, но и весело сидеть на корточках, а они всегда лежат там в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках...». Противопоставление тепла и света жизни и холода и темноты смерти пронизывает текст от первого до последнего слова.

Однако восприятие столь значимой для Бунина темы – связь любви и смерти – тоже возможно: «Он был очень влюблен, а когда очень влюблен, всегда стреляют себя...».

И, наконец, финал рассказа позволяет интерпретировать его как повествование о том, что, несмотря на красоту жизни, смерть неизбежна и ужасна, и чем ярче осознаешь красоты жизни, тем страшнее смерть: «И чем жарче и радостней печет солнце, тем холоднее дует из тьмы, из окна».

Итак, подробный анализ прототипических ХТ демонстрирует, что подобное произведение может быть воспринято неоднозначно, его содержание интерпретируется на основе приращения значения составляющих его лексических единиц, различных оттенков смысла синтаксических конструкций и возможности неодинаково воспринимать последовательные фрагменты текста. Текст интерпретируется также в зависимости от индивидуальности адресата, и прежде всего – от его языковой картины мира. Следовательно, категория интерпретируемости – действительно характерная для ХТ категория, в полной мере связанная с его спецификой – эстетической трансформацией смыслов в целях создания виртуальной реальности с помощью языка.

²Текст рассказа цитируется по: [10, с. 392].

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 7-е. М.: URSS: Либроком, 2009. 137 с.
2. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.
3. Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте // Ильенко С.Г. Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 211–218.
4. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М.: Рус. яз., 1988. 300 с.
5. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Изд. 2-е. М.: Яз. славян. культуры, 2010. 480 с.
6. Беляева Н.И. Содержательные категории художественного текста и их языковая экспликация (на материале произведений Ю.М. Нагибина): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998. 148 с. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/soderzhatelnye-kategorii-hudozhestvennogo-teksta-i-ih-jazykovaja-jeksplikacija.html> (дата обращения: 25.04.2019).
7. Комарова Л.И. Основные категории художественного текста как феномена культуры // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. Вып. 7(87). С. 208–214. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kategorii-hudozhestvennogo-teksta-kak-fenomena-kultury> (дата обращения: 12.04.2021).
8. Сыров И.А. Способы реализации категории связности в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 349 с.
9. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 5. 446 с.
10. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Правда, 1956. Т. 4. 471 с.
11. Яхина Г. Зулехха открывает глаза. М., 2019. 512 с.
12. Рубина Д. Русская канарейка. Трилогия в одном томе. М., 2021. 960 с.
13. Сергеева Е.В. Художественный дискурс как внепрагматический эстетический языковой феномен // Филол. науки. Науч. докл. высш. шк. 2019. № 6. С. 20–28. DOI: [10.20339/PhS.6-19.020](https://doi.org/10.20339/PhS.6-19.020)
14. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009. 248 с.
15. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 560 с.
16. Словарь русского языка (МАС): в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 3. М.: Рус. яз., 1987. 751 с.

References

1. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, 2009. 137 p.
2. Novikov A.I. *Semantika teksta i ee formalizatsiya* [Text Semantics and Its Formalization]. Moscow, 1983. 215 p.
3. Il'enko S.G. *Sintaksicheskie edinitiy v tekste* [Syntactic Units in a Text]. Il'enko S.G. *Rusistika: Izbrannye trudy* [Russian Studies: Selected Works]. St. Petersburg, 2003, pp. 211–218.
4. Novikov L.A. *Khudozhestvennyy tekst i ego analiz* [Literary Text and Its Analysis]. Moscow, 1988. 300 p.
5. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Studies. Semantics of Tense and Aspect in the Russian Language. Semantics of the Narrative]. Moscow, 2010. 480 p.
6. Belyaeva N.I. *Soderzhatel'nye kategorii khudozhestvennogo teksta i ikh yazykovaya eksplikatsiya (na materiale proizvedeniy Yu.M. Nagibina)* [Denotative Categories of the Literary Text and Their Linguistic Explication (Based on the Works of Yu.M. Nagibin): Diss.]. St. Petersburg, 1998. 148 p. Available at: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/soderzhatelnye-kategorii-hudozhestvennogo-teksta-i-ih-jazykovaja-jeksplikacija.html> (accessed: 25 April 2019).

7. Komarova L.I. Osnovnye kategorii khudozhestvennogo teksta kak fenomena kul'tury [Basic Categories of Literary Text as a Phenomenon of Culture]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2010, no. 7, pp. 208–214. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kategorii-hudozhestvennogo-teksta-kak-fenomena-kulturny> (accessed: 12 April 2021).

8. Syrov I.A. *Sposoby realizatsii kategorii svyaznosti v khudozhestvennom tekste* [Ways of Implementing the Category of Coherence in a Literary Text: Diss.]. Moscow, 2005. 349 p.

9. Pushkin A.S. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, 1981. Vol. 5. 446 p.

10. Bunin I.A. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, 1956. Vol. 4. 471 p.

11. Yakhina G. *Zuleykha otkryvaet glaza* [Zuleikha Opens Her Eyes]. Moscow, 2019. 512 p.

12. Rubina D. *Russkaya kanareyka* [The Russian Canary]. Moscow, 2021. 960 p.

13. Sergeeva E.V. Khudozhestvennyy diskurs kak vnepragmaticheskiy esteticheskiy yazykovoy fenomen [Art Discourse as a Non-Pragmatic Aesthetic Language Phenomenon]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*, 2019, no. 6, pp. 20–28. DOI: [10.20339/PhS.6-19.020](https://doi.org/10.20339/PhS.6-19.020)

14. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta. Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text Linguistics. Multimodality, Intertextuality, Interdiscursivity]. Moscow, 2009. 248 p.

15. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards Knowledge About Language. Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in World Cognition]. Moscow, 2004. 560 p.

16. Evgen'eva A.P. *Slovar' russkogo yazyka (MAS)* [Dictionary of the Russian Language (Concise Academic Dictionary)]. Vol. 3. Moscow, 1987. 751 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V117

Elena V. Sergeeva

The Herzen State Pedagogical University of Russia;

nab. reki Moyki 48, St. Petersburg, 191186, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8866-4829> e-mail: elena.v.sergeeva@gmail.com

THE CATEGORY OF INTERPRETABILITY OF THE LITERARY TEXT AND THE PROBLEM OF MULTI-LAYERED INTERPRETATION OF PROSE (Based on Ivan Bunin's Short Stories "The Book" and "The Chapel")

Determining the main categories of the literary text is a matter of debate among researchers today. According to the author of this paper, the most significant categories are the following: fiction (virtual information content), egocentricity (image of the author), aesthetics, linguocentricity, and interpretability. The article focuses on the category of interpretability, which is associated with the ability to perceive a text from different perspectives and at different depth levels. Interpretability is the ability of a text to generate ambiguous information that can be read and formulated in different ways and be either perceived or not perceived by the addressee. Description of the interpretability category is exemplified by Bunin's short stories "The Book" and "The Chapel". "The Book" allows the reader to perceive several semantic layers, gradually complicating the content of the text and its understanding. This story clearly demonstrates that

For citation: Sergeeva E.V. The Category of Interpretability of the Literary Text and the Problem of Multi-Layered Interpretation of Prose (Based on Ivan Bunin's Short Stories "The Book" and "The Chapel"). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 63–71. DOI: 10.37482/2687-1505-V117

interpretability of a literary text can reach absolute ambivalence of the perception of this text: life is more important than fictional books, but life itself, probably, exists for the art in order to be embodied in a word. The thesis about multidimensionality and interpretability of the literary text is confirmed when we turn to another short story, "The Chapel". The analysis of the texts performed demonstrates that a work of art can be perceived ambiguously, its content is interpreted on the basis of acquired additional meanings of its lexical units, various shades of meaning of its syntactic constructions and the possibility to perceive sequential fragments of the text differently, as well as depending on the personality of the addressee. A conclusion is made that the category of interpretability is, indeed, characteristic of the literary text, fully in line with the genre's specifics, i.e. the aesthetic transformation of meanings in order to create virtual reality with the help of language.

Keywords: *text categories, prototypical text, interpretability of the literary text, multi-layered semantics of the literary text.*

Поступила 05.11.2020

Принята 07.05.2021

Received 5 November 2020

Accepted 7 May 2021